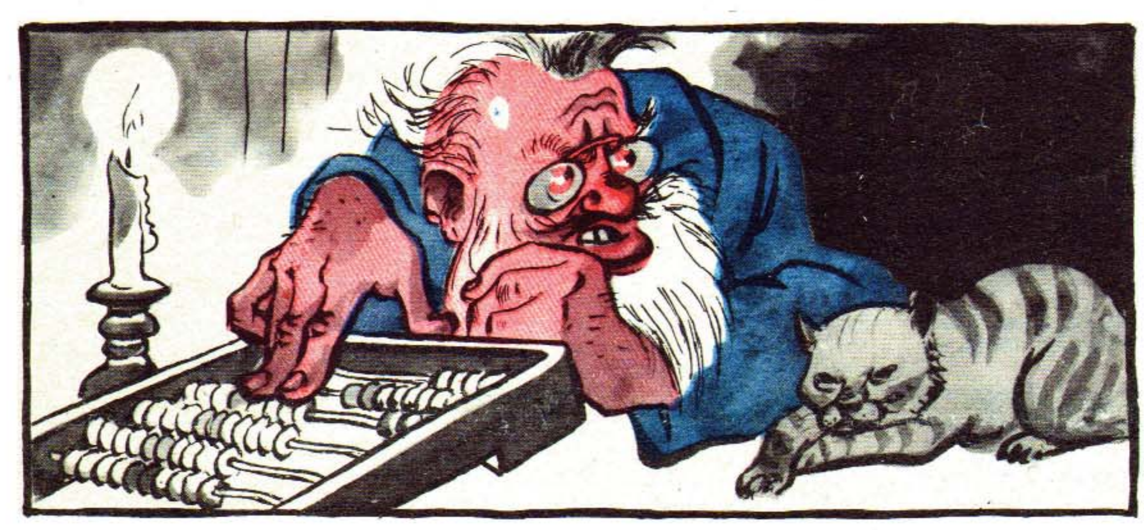
РАЗВИТИЕ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ НА ЗАПАДЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 60 ЛЕТ

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

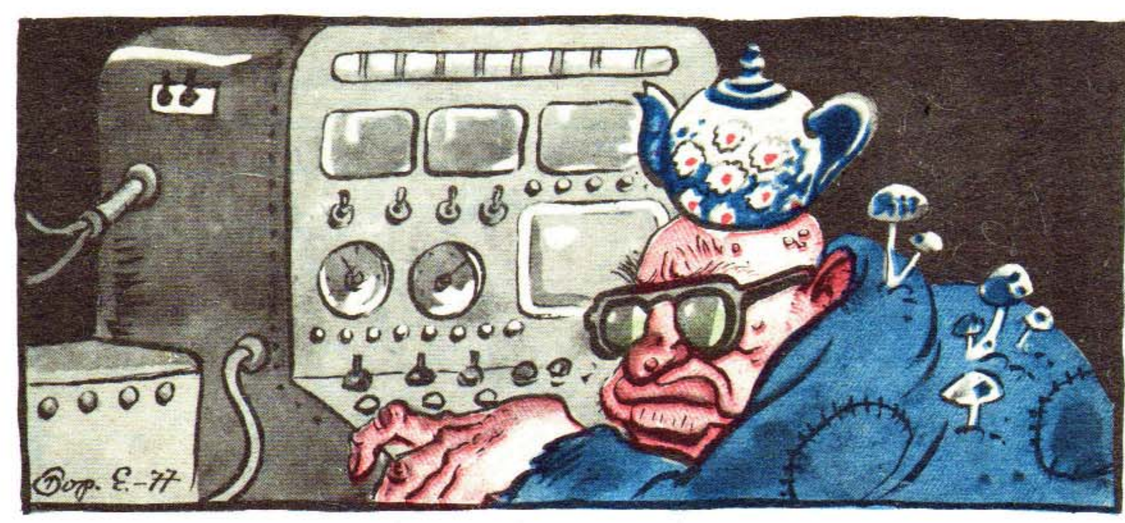
— Совдепия продержится всего...

— Советы продержатся всего...

— Советская Россия продержится всего...

— Советский Союз продержится всего...

КРОКОДИЛ

№ 32 (2222)

ноябрь

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: Д. Агаев, В. Ашманов, М. Вайсборд, Е. Милутка, В. Мохов, И. Норинский, Л. Самойлов, А. Семенов, А. Скотаренко.

■

НАШ АДРЕС:

101455,
Москва, А-15, ГСП,
Бумажный проезд, д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:

250-10-86
253-34-37

■

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

■

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)

А. Б. ГОЛУБ
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор)

Г. О. МАРЧИК
(зам. главного редактора)

И. М. СЕМЕНОВ
М. Г. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
(ответственный секретарь)

■

Технический редактор
В. П. БОРИСОВА

■

Рукописи не возвращаются.

■

Сдано в набор 14/X 1977 г. А 02142. Подписано к печати 24/X 1977 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54. Тираж 5 730 000 экз. (1-й завод: 1—3 571 350). Изд. № 2475. Заказ № 1310.

■

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

КРОКОДИЛ

32
1977

Буржуазная печать преднамеренно старается представить Конституцию СССР в искаженном свете.

КОНСТИТУЦИЯ СССР

В СССР нарушают права человека

Советская конституция не гарантирует свободу личности!!!

— Вот, господа, в каком свете следует рассматривать нашу Конституцию!

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

Бор. ЮДИН

ЛЮДИ И ЗВЕЗДЫ

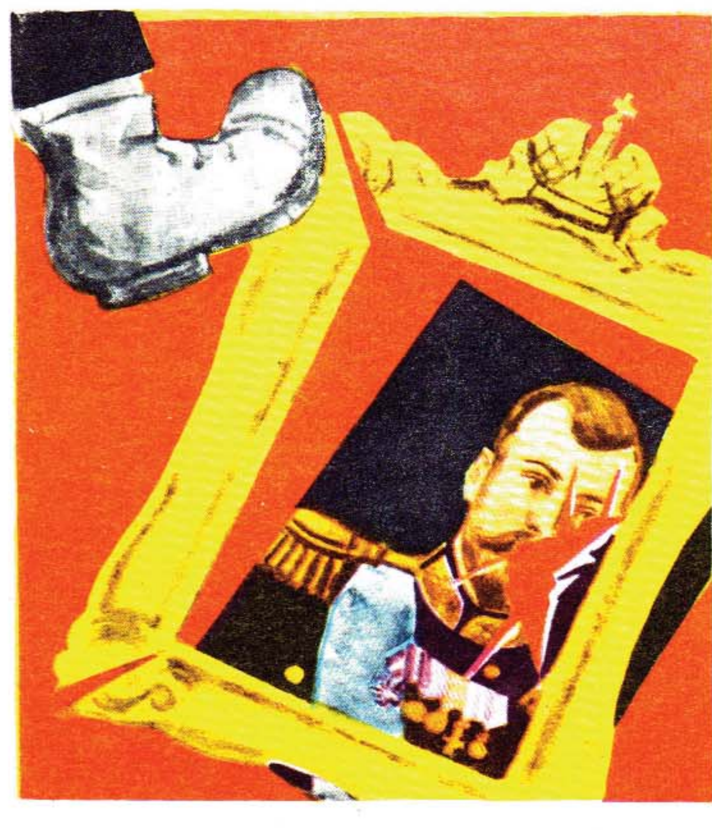
Знаем —
есть страны,
где взоры ласкают,
В цветах утопая,
особняки...
Знаем,
что рядом
жизнь протекает,
Полная тягот,
лишений,
тоски...
Жизнь,
что принудила
пасть на колени...
Жизнь,
как на сердце
проказы нарост...
Жизнь,
от которой,
как путь избавленья —
Газ...
цианкалий...
Бруклинский мост...
Кто-то,
отведав полною мерой,
Чем пахнут
бесправие и нищета,
С тайной надеждой,
с наивною верой
Жаждет прихода
Иисуса Христа...
Кто-то
сулит «золотые горы»...
Но люди,
не веруя в чудеса,
Множат ряды
тех, у которых
Крепнут открыто
борьбы голоса...
Кто-то,
напуган неведомым роком,
Перед угрозой краха
дрожит,
Тайны тревог
поверяет «пророкам»
Звездных гаданий
и сладостной лжи...
Звезды считают,
сбившись со счета...
Кидает всесильных
то в жар, то в озноб:
Ждут утешений
от звездочетов,
Прибыльный
к сердцу прижав гороскоп...
Мы
свое Завтра
искали долго...
Мы путь свой
проверили
лет грядой...
Знаем мы
безо всяких астрологов,
Что родились
под счастливой Звездой.
Сердцем сверяя
масштабы и место,
Верим —
этим горды и сильны—
Звезды Кремля
в каталоге небесном —
Самой первейшей величины!
Эти звезды зовут —
слышишь,
Вселенная! —
К счастью
забросив навек якоря,—
Жить
и мечтать,
и трудиться по Ленину,
Празднуя
тысячи лет ОКТЯБРЯ!

ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ...

История страны длиною в шестьдесят лет... Она писалась бисерным почерком-цокотом эскадронов Первой конной, гигантскими строчками Турксиба и Каракумского канала, кружевной вязью арматуры Днепрогэса, огневыми росчерками Великой Отечественной... Она писалась вдохновенным пером поэта, тяжким плугом, вспарывавшим вековую коросту целины, лихой ракетной траекторией первых космопроходцев... Не счесть и не обнять мысленным взором всех деяний, свершенных народом нашим в эти героические шесть десятилетий.

Но биография первой страны социализма писалась — и пишется — также и веселым карандашом, бойкой кистью художника-юмориста. Перелистайте комплекты «Крокодила» — и вы убедитесь: не было в нашей жизни такого исторически значительного события — от первого «мирного наступления» Страны Советов на международной арене до новой Конституции СССР,— на которое не откликнулся бы карикатурист.

Мы так и сделали — перелистали комплекты журнала. Перед вами — лишь несколько из многих сотен рисунков художников-крокодильцев разных лет...

Н. ДЕНИСОВСКИЙ, 1927 г.

ИЛЬИЧ ВЫЗДОРОВЕЛ

Появление Ленина на Всемирной конференции

Д. МООР. 1922 г.

Почему улыбался профессор

Профессора Харьковского университета Якова Семеновича Блудова Крокодил увидел в тот момент, когда он дружески улыбался двум хорошеньким первокурсницам экономического факультета — Ирине Бондаренко и Ирине Писаревской. Спрашивать профессора: «Почему вы улыбаетесь?» — было бы просто нелепо: и так все ясно — идет задушевный разговор. И тогда Крокодил шагнул вперед и со свойственной ему находчивостью спросил:

— А как часто вы улыбаетесь, профессор?

— Трудно сосчитать,— подумав, ответил Яков Семенович.— А почему бы не улыбаться: куда ни шагни в нашем городе, всюду видишь молодые, красивые, улыбающиеся лица. Сам поневоле молодеешь и начинаешь улыбаться. В Харькове все для меня как бы согрето теплом тех, кто боролся за победу революции, защищал город от фашистов, созидал, учился и строил, спорил, мечтал, любил. И вот каким красавцем стал наш город. Любо-дорого посмотреть!

Каждое утро одной и той же дорогой я хожу на работу в университет. Многое менялось буквально на глазах. Вот здесь однажды не пропустили в парк имени Т. Г. Шевченко (он тогда был обнесен забором) секретаря ЦК Компартии Украины П. П. Постышева. Он предъявил было свое удостоверение, но контролер замахал руками: «Этот номер вам не пройдет!» Постышев, посмеявшись, ушел, а наутро забор убрали. Вход в парк стал свободным...

Оглядываясь назад, сравнивая вчерашнее с сегодняшним, с высоты своих прожитых 80 лет могу сказать: «Нет, не зря боролись, отдавали свои жизни в борьбе старшие поколения. На смену им вырастает сегодня новая, крепкая, дружная поросль молодых борцов за народное счастье, безгранично преданных нашей великой партии».

Совсем еще мальчишкой я начинал работать на шахте близ Юзовки. Мы тогда улыбались редко. Было не до улыбок. Работа была настоящим проклятием. Трудились не разгибая спины от зари до зари, без выходных. Ютились в убогих лачужках. Голодали, мерзли, через одного умирали от болезней. Разве можно было мириться с такой жизнью? Выход был один — бороться! За это меня и посадили. Из царской тюрьмы выпустили после Февральской революции 1917 года. В июне 1917 года я вступил в ленинскую партию большевиков, был избран секретарем уездного комитета железнодорожников...

Спустя десять лет я стал ректором Харьковского университета. Так удивительно вознесли революция и Советская власть простого рабочего парня... Да разве меня одного? Миллионы...

Куда бы я сейчас ни приехал, где бы я ни был — везде у меня есть ученики, всюду меня встречают с доброй улыбкой. Поистине моя семья — это вся наша прекрасная страна...

Роль Крокодила исполнял А. ГЕОРГИЕВ.

МОЙ КОММЕНТАРИЙ

Примус, о котором пойдет речь, еще не поставлен на конвейер. Но он уже прошел первое испытание. «Этот примус никогда не взлетит»,— заявил перед его испытанием президент западногерманской, космической фирмы «МББ» Людвиг Бёльков. «И все же этот примус взлетел!» — воскликнул после испытания журнал «Штерн». И взлетел он не на воздух, как это случается на кухне у неопытной хозяйки, а... в космос.

— Шутки шутками, а дело делом,— заметит нам нетерпеливый читатель.— Что это за примус, вознесшийся в космос!

Поясним: это не простой примус, даже вовсе не примус. Так назвал Бёльков крупную ракету-носитель, созданную в ФРГ...

— Позвольте,— перебьет нас читатель и, напрягая память, вспомнит: ведь Парижские соглашения 1954 года, положившие начало перевооружению Западной Германии, все же кое-что запретили тогда Бонну. В частности, создание крупных военных ракет.

Верно. Однако ракета сработана. Для этого пришлось пойти на «маленькие хитрости». «Примус» сделан частной (ох, уж это частное свободное предпринимательство!) фирмой «Орбиталь транспорт унд ракетен» — сокращенно «ОТРАГ». Представитель боннского правительства Арним Грюневальд категорически отрицает какую-либо связь Бонна с этой фирмой, хотя президент «ОТРАГ» Лютц Кайзер заявляет, что она пользуется «полной моральной поддержкой правительства».

Кайзеру вполне достаточно моральной. Материальная сторона у него обеспечена. «Мы без труда нашли немецкие компании, желающие вложить капитал в предприятие, которое принесет миллиарды долларов» (заметьте: долларов, не марок!).

Интеллектуально-техническая сторона тоже на высоте. Административный совет и мозговой центр фирмы, пишет французский журнал «Экспресс», возглавляет доктор Курт Дебус. Тот самый, который в 1942 году в гитлеровском рейхе руководил испытаниями ракеты «Фау-2». Как видим, все условия для создания «примуса» у «ОТРАГ» были. А укромное местечко для этого найти было нетрудно. Власти африканской страны Заир за 65 миллионов марок в год запродали фирме «ОТРАГ» 150 тысяч квадратных километров территории своей страны. Где уж найти такую стартовую площадку в ФРГ! Ведь это три четверти территории боннского государства. Контракт на концессию заключен до 2000 года, причем, как сообщает бельгийский журнал «Пуркуа па!», речь идет о полном отказе от суверенитета Заира на этой территории. Там и было проведено испытание «примуса».

Итак, зловещий «примус» взлетел. Впрочем, его папаша герр Кайзер уже подобрал своему детищу более точное определение. «С появлением космического «челнока» НАСА создала первый «роллс-ройс» космоса. Мы же разработали первый космический грузовик»,— горделиво изрек Кайзер. Уточним: тяжелый грузовик — на нем можно будет выводить на орбиту грузы весом от полутора до десяти тонн.

Но какого рода будет этот груз и к каким местам назначения проследуют эти западногерманские «грузовики»! Вот в чем вопрос. И не в мюнхенских ли пивных, где горланят неонацисты, уже чертят маршруты для кайзеровских сверхтяжелых ракет!

ПРОЛЕТАРСКОЕ ОКО

Бор. ЕФИМОВ, 1922 г.

Женя С., дед Талаш и другие

Ю. БОРИН,
специальный
корреспондент Крокодила

Стенная газета «Наша учеба» подвергла резкой критике пионера Женю С. за то, что он «целыми днями делает винтовку и не посещает уроки». Автор заметки резонно указывал: «До тех пор винтовка не получится, пока Женя грамоте не научится».

Грамота пионеру Жене была, конечно, нужна, слов нет. Но еще более необходима для него была винтовка. Потому что Женя являлся не только членом пионерской организации, но и бойцом партизанского отряда.

Тем не менее винтовки у Жени пока не было. Поэтому он жутко завидовал девятилетнему Павлику Конопацкому, которому уже выдали винтовку с патронами. Правда, винтовка Павлику была немного не по росту, но партизаны ее очень ловко подкоротили, й она стала как раз впору.

...Я хожу по залам Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны и слушаю экскурсовода. Экскурсовод рассказывает, что в партизанских отрядах Белоруссии рядом со своими отцами и матерями воевало 5 тысяч пионеров и школьников. Они ходили в разведку, участвовали в операциях. Вместе с внуками и правнуками били врага также их деды и прадеды.

Когда Василий Талаш в начале войны пришел в партизанский отряд, ему уже стукнуло 97 лет.

Командир соединения Роман Мачульский спросил с улыбкой:

— Хочешь воевать, дед?

— Хочу,— твердо ответил Талаш.— Бить фашистских гадов желаю.

— Так ведь трудно будет,— предупредил командир.— Прислал бы лучше сына.

— Сына? — удивился дед Талаш.— Так ведь старик он у меня. Ему уже семьдесят пять.

Дед Талаш прошел всю войну и к ордену Красного Знамени, полученному еще в гражданскую, прибавил орден Отечественной войны I степени и несколько медалей.

Я смотрю на большую карту Белоруссии. Она густо усеяна звездочками: это партизанские отряды. Нет, не отдельные смельчаки — весь народ поднялся на борьбу с фашистами.

Как-то в партизанский отряд явился сельский священник. Явился не с пустыми руками — доставил подводу с продовольствием.

Сдав груз, поп потребовал официальную справку с печатью.

— Бюрократ ты, батюшка. Зачем тебе справка? — засмеялись партизаны.— Перед Гитлером, что ли, отчитываться?

— Не перед Гитлером, а перед народом,— серьезно сказал святой отец.— Собирал-то продукты по дворам.

...— А вот,— говорит экскурсовод,— партизанская оружейная мастерская. Это здесь Тенгиз Шавгулидзе смастерил свой знаменитый гранатомет.

Гранатомет был известен тем, что с помощью песка, битого стекла и металлических стружек производил такой дикий вой, треск и грохот, что гитлеровцы в панике разбегались. Они думали, что это стреляет знаменитая «Катюша», которая наводила ужас на немецко-фашистских головорезов.

— За годы войны,— говорит экскурсовод,— белорусские партизаны уничтожили около полумиллиона гитлеровцев, пустили под откос... подорвали и уничтожили... сожгли и разрушили...

Цифры, цифры, цифры... Я не успеваю записывать. А экскурсовод уже ведет в следующий зал и рассказывает о ратных делах советских воинов, освобождавших белорусскую землю. Я слушаю рассказ о необычайном подвиге командира танка Героя Советского Союза Михаила Батракова.

Танк Батракова был подбит, из всего экипажа оставался в живых он один, да и то был тяжело ранен.

Увидев безжизненный советский танк, фашисты решили его отбуксировать в свою часть. Трос от «Тигра» они прикрепили к танку Батракова... Но тут Михаил, превозмогая боль, вылез из люка и перестрелял вражеских танкистов, затем, забравшись в немецкий «Тигр», потащил свой танк на буксире.

В это время на поле показались два других «Тигра». Они быстренько пристроились в хвост своему собрату, буксировавшему советский танк. Так вся колонна и прибыла в расположение наших войск.

...А 16 июля 1944 года в Минске состоялся парад по поводу освобождения города от фашистской нечисти.

В параде принимали участие многие партизаны. Шел дед Талаш, шли Женя, Павлик и другие. Рядом с ними ковылял любимый партизанский козел. Он прославился тем, что умел ложиться по команде.

На этот раз козел был наряжен в мундир гитлеровского офицера, и на его груди болтались фашистские кресты. Партизаны покатывались со смеху. Но смеялись они, конечно же, не над козлом.

г. Минск.

крокодил помог

«АВОСЬ, НЕ САХАРНЫЕ...»

В фельетоне-передовой под таким заголовком («Крокодил» № 17) приводилось письмо жителя г. Чирчик, Узбекской ССР, И. Зимина, обращавшего внимание редакции на плохое оснащение автобусных остановок в городе.

Как сообщил редакции председатель Чирчикского горисполкома тов. А. Аникин, фельетон был обсужден на заседании исполкома. Действительно, из 106 автобусных остановок в городе оборудованы скамейками 78, не имеют крыши 62. Исполком городского Совета принимает меры для благоустройства автобусных трасс. В последнее время введены в эксплуатацию 3 остановки, отремонтировано — 16. До конца года будет оборудовано еще 15 остановок.

ГРЕШИ И КАЙСЯ!

В четвертом номере нашего журнала была опубликована заметка «Виноваты!» о том, что в городе Сызрани руководство нефтеперерабатывающего завода очень плохо заботится о своем парке. И когда пресса упоминает об этом, то дирекция с готовностью признает справедливость критики и обещает исправиться. В последний раз, кажется, даже составили смету и утвердили проект из девяти пунктов. Но, к сожалению, все осталось по-прежнему.

На эту заметку заместитель директора завода по кадрам и быту тов. С. Мосягин сообщил редакции, что в парке очистили территорию, отремонтировали скамейки, построили эстраду и многое другое. Кроме того, на текущий год намечены дополнительные мероприятия по дальнейшему благоустройству заводского парка.

Хорошо, если так!

Сорок семь веселых и остроумных людей с Урала выпустили книгу, которую так и назвали: «Урал улыбается». В этом сборнике представлены произведения и хорошо знакомых нашему читателю уральских сатириков: Ф. Вибе, И. Тарабукина, Н. Самохвалова.

●

Известный поэт В. Федоров в одном из своих стихотворений рекомендует: «Дайте детям Маршака, а меня не надо...»

Другого поэта-сатирика М. Владимова эти строчки вдохновили на литературную пародию. Владимов продолжил мысль Федорова, и это получилось у него так:

«Дайте Михалкова, Якова Акима. А меня увидят, пусть проходят мимо».

Как по нотам, сатирик спародировал стихи Л. Мартынова, А. Вознесенского, Н. Матвеевой, Р. Рождественского и многих других, не менее известных авторов, и книгу свою так и назвал: «Как по нотам». Она вышла в издательстве «Советский писатель».

●

Под жарким крымским солнцем счастливо живет и плодотворно трудится один из немногих поэтов, у которых удачно рифмуется имя и фамилия: Николай Полотай. Как стало известно, Николай Полотай всерьез занялся борьбой с сорняками. Об этом говорит его последняя книга, выпущенная издательством «Дніпро». В стихотворных фельетонах, баснях, эпиграммах поэт бичует тунеядцев, бездельников, бракоделов, хапуг и призывает читателя «Бурьян с корнем вырывать» — так называется его очередная книжка.

С НАСТУПАЮЩИМ НОВЫМ ГОДОМ!

Бор. ЕФИМОВ, 1942 г.

ЕСТЬ НА ВОЛГЕ УТЕС!

КУКРЫНИКСЫ, 1942 г.

БЕРЛИН, АЛЛЕЯ ПОБЕД

К. ЕЛИСЕЕВ, 1945 г.

СЛУШАЛИ:

ВОССТАНОВИЛИ

К новым победам на трудовом фронте!

Бор. ЕФИМОВ, 1946 г.

НЕБОСКРЕБЫ НАД ДОНОМ,

или пять ответов на один вопрос

Г. МАРЧИК,
специальный корреспондент
Крокодила

— Какой, по-вашему, самый красивый город на свете? — спросил ваш корреспондент у секретаря Ростовского горкома партии Петра Васильевича Дзюбенко.

На этот прямой, бесхитростный вопрос Петр Васильевич столь же прямо и бесхитростно ответил:

— Ростов-на-Дону. Хотя готов охотно признать, что в нашей стране немало других прекрасных городов. Но Ростов есть Ростов. Это индустриальный, динамичный, полный энтузиазма и оптимизма город с богатыми революционными традициями. Он привольно раскинулся на высоком правом берегу величавого Дона.

— А как здесь по части улыбок? — черкая в блокноте, деловито поинтересовался ваш корреспондент.— Ведь чувство юмора — лучший признак нравственного здоровья и успехов.

— По части улыбок наш город тоже не на последнем месте,— заметил Петр Васильевич и как бы в подтверждение своих слов улыбнулся.— Тем более, что у ростовчан достаточно причин для хорошего настроения. Все предприятия города в течение ряда лет выполняют и перевыполняют государственные планы.

— Вы не оговорились? — деликатно уточнил корреспондент.— Именно все?

— Все без исключения. Работать без отстающих — девиз города. Недавно Леонид Ильич Брежнев сердечно поздравил ростовчан с этим достижением и пожелал им новых успехов. Только за одну рабочую смену у нас сейчас выпускается столько же продукции, сколько ее было произведено в городе за весь дореволюционный 1913 год. А вот еще один любопытный штрих. Ныне в городе с почти миллионным населением полностью удовлетворяется потребность в яслях и детских садах. Правда, здорово?!

— Замечательно! — с энтузиазмом откликнулся корреспондент.— Остается только пожалеть, что сами мы уже вышли из этого прелестного возраста. А теперь позвольте задать вам вопрос, который я намерен предложить пяти разным представителям города: «Что вы считаете «самым-самым» в Ростове?»

— «Самое-самое» — это люди! — быстро и убежденно сказал Петр Васильевич.— Да, именно они определяют лицо города. Гордость Ростова — Герои Социалистического Труда рабочие В. И. Жуковец, Л. И. Фокина, И. Т. Поляков, М. С. Дудаль и многие другие. У нас живут и трудятся замечательные ученые, писатели, спортсмены, инженеры, конструкторы, архитекторы, композиторы, артисты, художники, врачи, учителя...— Петр Васильевич лукаво посмотрел на корреспондента. — Жаль, что по условиям интервью я могу назвать только одно «самое-самое»...

Второй свой заранее заготовленный вопрос о «самом-самом» я обратил к человеку с удивительной судьбой — Виктору Дмитриевичу Загребаеву.

— «Самое-самое» у нас — дети! — не моргнув глазом, уверенно заявил Виктор Дмитриевич и был, конечно, глубоко прав. Когда-то он работал инструктором в колонии Макаренко. При всей своей занятости он находит время буквально каждый день бывать у своих маленьких питомцев. Это по его инициативе построено пять прекрасно оборудованных детских садов каждый на 140 ребят. О том, как строили сады и доставали для них лучшее оборудование, можно было бы написать поэму! О жизни ребят в детском комбинате был снят любительский кинофильм «Мы из сказки». Однажды его показали французским журналистам. Те просто не поверили, что все это правда, а не обычная реклама. Тогда журналистов привезли к детям. Они своими глазами увидели спальные корпуса, игровые площадки, бассейн, зверинец, фонтаны и заявили, что в жизни все оказалось даже лучше, чем в кино.

— Как вам все это удается? — удивился ваш корреспондент.

— Коллектив—большая семья,—мудро заметил В. Д. Загребаев.— И если хочешь быть настоящим руководителем, то должен думать обо всем. Ну, а что касается детей, то их у нас в городе любят все. «Самым-самым» я бы назвал и пионерскую республику, которую проектируется создать на Зеленом острове. На ее территории в сто шестьдесят шесть гектаров разместятся восемь пионерских лагерей, а в центре — оздоровительный комплекс и всевозможные аттракционы. Насколько мне известно, это будет первая подобная республика в нашей стране.

Да, подумалось корреспонденту, там, где заботятся о детях, думают о будущем.

Так уж получилось, что третьими на вопрос о «самом-самом» отвечали сразу двое. И не кто-нибудь, а поэты-сатирики, сельмашевцы электрик Борис Козлов и заведующий профсоюзной библиотекой Иван Лесной.

— До революции в Ростове «самым-самым» считались знаменитые ростовские примусы,—засмеялся Иван Лесной.— А сейчас, конечно, это Сельмаш. Чувствуете разницу? Сельмаш — наша слава и гордость. В двадцатые годы, когда начали возводить Сельмаш, рабочие приносили в один барак по книжке, брошюре, у кого что было. Так родилась наша библиотека. А из коллективного труда и сегодня вырастает все самое прекрасное в нашей жизни.

— Я бы добавил,— сказал Борис Козлов,— что «самым-самым» на Сельмаше является дух творчества, поиска и инициативы. Ну, и, как истый ростовчанин, категорически заявляю, и пусть кто-нибудь докажет, что это не так: в Ростове самые красивые улицы, самые зеленые парки и, разумеется, самая лучшая рыбалка.

Герой Советского Союза генерал-майор запаса, директор Ростовского имени 1-й Конной армии ипподрома Павел Порфирьевич Брикель, как и подобает прославленному кавалеристу, ответил, как отрубил:

— «Самое-самое» — это наша земля. Мы ее берегли, бережем и будем беречь как самое бесценное достояние. Я сам пока еще на коне и собираюсь в следующем году в свое семидесятипятилетие выиграть скачку на две тысячи четыреста метров. Вот так. И еще «самое-самое» — это интернационализм Ростова. По переписи 1970 года, в городе живут представители ста трех национальностей. В прошлом году в Ростове побывало пятьдесят тысяч иностранных гостей из тридцати семи стран. На ряде предприятий города трудятся специалисты из братских социалистических стран. Побратим Ростова — болгарский город Плевен.

И последний вопрос руководителю института «Ростовгражданпроект» Александру Ивановичу Валуеву.

— «Самое-самое» Ростова—его ближайшее будущее. Город стремительно меняет свой облик, он буквально на глазах молодеет, растет ввысь, расширяется. Ростов все более приобретает зримые контуры современного социалистического города. Над Доном поднялся первый десяток «небоскребов» — шестнадцати- и семнадцатиэтажных зданий оригинальной конструкции. За многие годы правый берег Дона оброс разными складами, амбарами, базами. Все эти строения сносятся, город поворачивается лицом к Дону. В ближайшее время будет построен Театральный спуск — один из первых парадных выходов к Дону. С широкой эспланадой, цветниками и водоемами...

Ваш корреспондент свидетельствует: да, действительно в Ростове строят любя и навечно и, если хотите знать его личное мнение, то «самое-самое» в Ростове — это сам Ростов. Особенно прекрасен он весной, когда зацветают сады и мягкий ветер приносит в город соленые запахи Азовского моря, смешанные с бередящими полынными запахами донских степей.

СТИХОПАД

Все жанры — в гости к нам!

Лирический настрой

Александр
ЖУКОВ

Медаль

От вина до вины
Путь в полшага длиной.
Это две стороны
У медали одной.

Дождь

Со вчерашнего утра
Поливает из ведра.
Льет и льет.
Вошел в азарт.
Что он хочет доказать!!
Барабанщиком лихим
Сыплет дробь по мутным
лужам.
Дождь бывает тоже нужен,
Только в меру,
как стихи.

Пустой вопрос

Пустой вопрос, поставленный ребром,
не устоит.
Он многого не стоит.
Но, падая, такой рождает гром,
какой всегда рождает все пустое.

Басни

Еф. ЕФИМОВСКИЙ

Вол

Вола уволили
(сонливость подвела).
Вслед за Волом
уволили Осла.
Осел не вытерпел
и разговор повел:
— За что меня!
Какое своеволие!
Всю жизнь работаю!
Работаю, как вол!
— Вот-вот,—
ему ответили,—
тем более...

В приемной

— Верблюд, не горбись!
Что с тобою,— ну!
К начальству вызвали!
Так это все пустое!
Вот я
ни перед кем спины
не гну,—
сказал Полкан,
на задних лапах стоя.

г. Ленинград.

Сказка

Вадим
БАБИЧКОВ

СТАРАЯ ИСТОРИЯ

Жил-был у бабушки серенький козлик,
Серенький козлик, упрямый, как ослик,
Хлопотно бабушке с козликом было,
Но бабушка козлика очень любила.
Время пришло, и у серенькой крошки
Лобик упрямый прорезали рожки,
Ножки окрепли, бородку пробило,
Бабушка пуще его полюбила
И отвела бородатого в школу —
Сам бы туда ни за что не пошел он,
Но бабушка очень об этом просила,
Помнила бабушка: знания — сила!
В школе в отличники он не прорвался,
Сереньким был он — таким и остался,
Видно, наука его не прельстила,
Бабушка козлику это простила.
Козлик с козлятами стал попивати,
Бабушку начал лягати-бодати,
Бабушку это весьма огорчило —
Было обидно и больно ей было...
Козлик гуляет себе на свободе,
Стал поговаривать он о работе —
Он в огороде согласен трудиться,
Все остальное ему не годится!
Но ведь известно давно уж в народе:
Вовсе не место козлу в огороде,
Как они с бабкой о том ни просили,
Но к огороду козла не пустили.
После таких неудачных попыток
Козлик на бабушку топнул копытом:
«Нет для меня подходящей работы,
Я на твои полагаюсь заботы,
Ты же всем уши давно протрубила,
Что бабушка козлика очень любила...»
Было с деньгами у бабки не густо,
Но со стола не сходила капуста,
А иногда оставалось на пиво,
Ведь бабушка козлика очень любила.
Козлику этого только и надо —
Бабки любовь для него, как награда,
Пищей доволен и с виду не нищий,
Стал он здоровым и толстым козлищем!
Жизнь понеслась! Появились подружки!
У бабушки все отбиралось до крошки...
. . . .
И не от козлика, а от старушки
Вскоре остались лишь рожки да ножки.

Назидание

Мануил СЕМЕНОВ

ДОБРОТА

Чужому счастью не завидуй,
Да и свое не прячь в сундук.
Скупым на свете быть не диво,
Попробуй добрым стать, мой
друг.

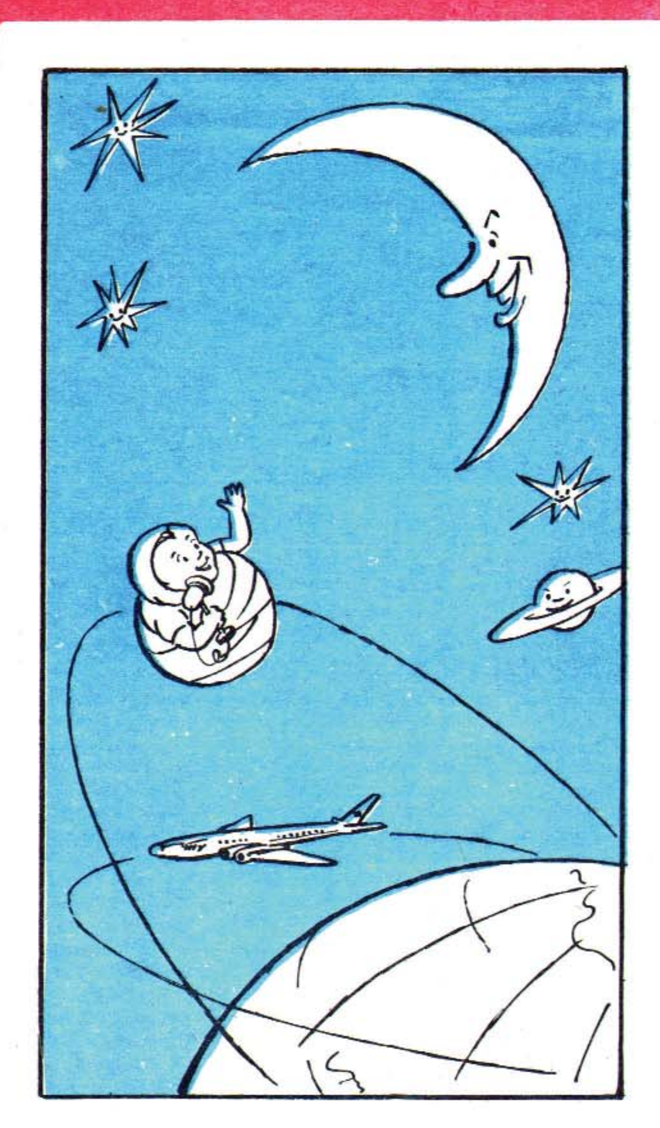
И гостю не сигналь отмашку,
Зови хоть горстку соли съесть.
Душа должна быть нараспашку,
Когда она, конечно, есть.

Когда беда придет к соседу,
Зевакою не лезь в толпу,
Упрячь замашки людоеда,
Как рак-отшельник в скорлупу.

Отдай последнюю рубашку,
Возьмут ее — сочти за честь.
Душа должна быть нараспашку,
Когда она, конечно, есть.

А может, вы большой начальник,
Вершите судьбами людей!
Пускай не бесит вас печальный
Рассказ сирот и матерей.

Не укрывайтесь за бумажкой,
Цените искренность, не лесть.
Душа должна быть нараспашку,
Когда она, конечно, есть.

МЕСЯЦ: — Такой молодой, а уже свою орбиту имеет.

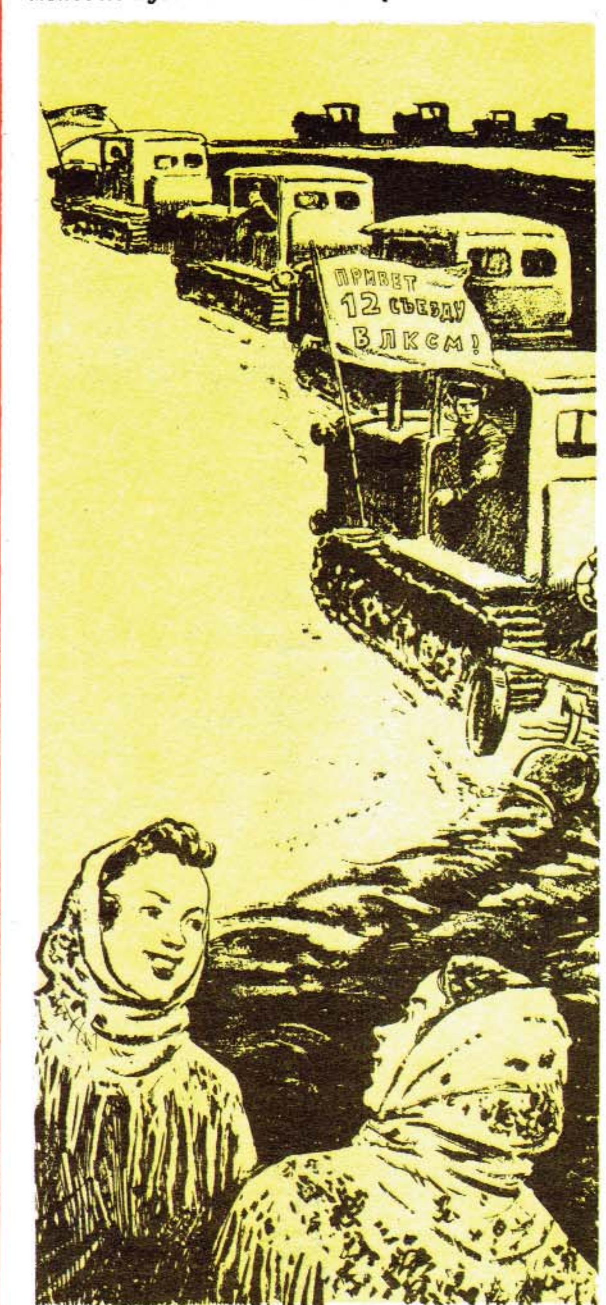
А. БАЖЕНОВ, 1957 г.

ВЕСНА! ВЫСТАВЛЯЕТСЯ ПЕРВАЯ РАМА

В. ГОРЯЕВ, 1961 г.

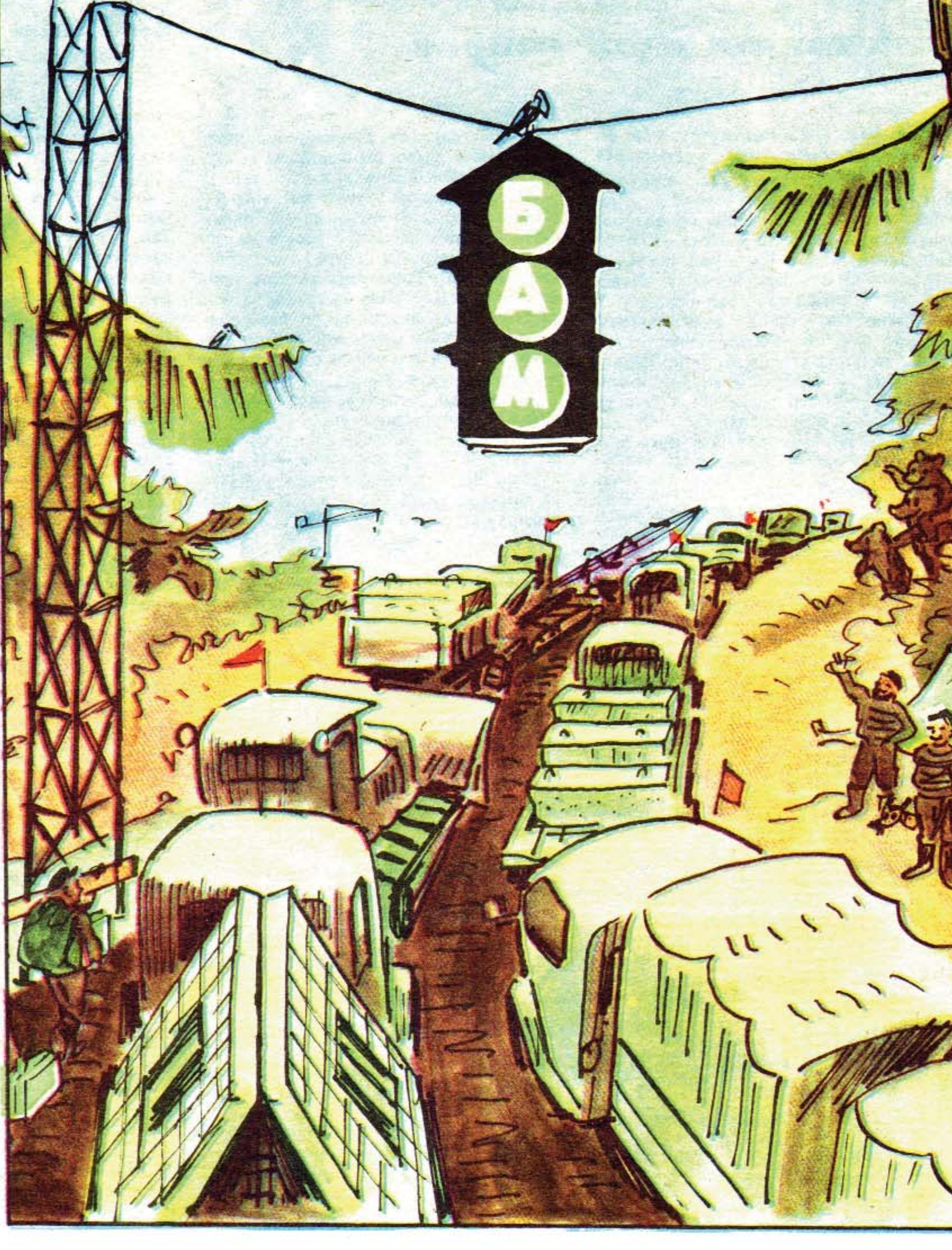

На освоении целинных земель работали молодые кубанские механизаторы.

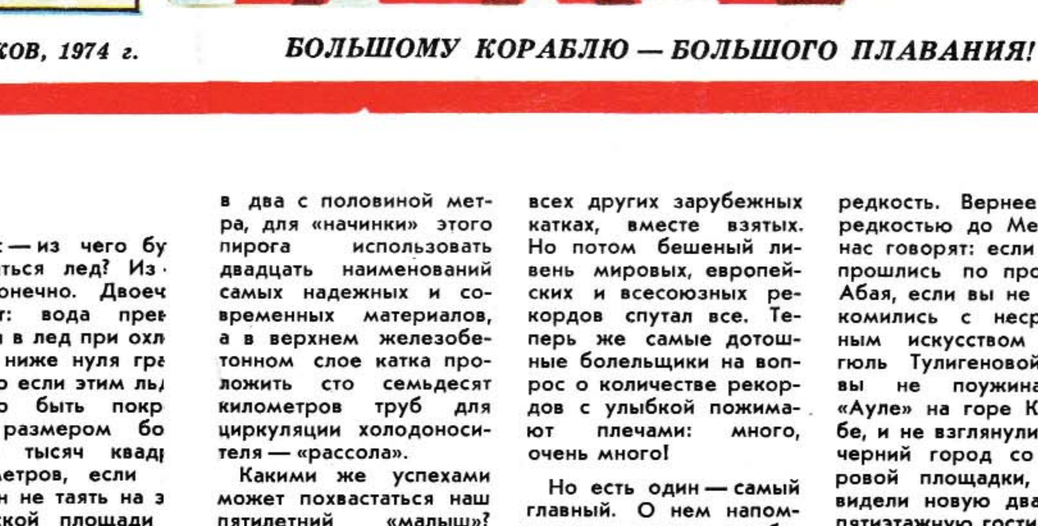
— Лихо ребята наступают!
— Так это ж кубанские казаки!

В. КОНОВАЛОВ, 1954 г.

ЗЕЛЕНАЯ УЛИЦА

А. ЦВЕТКОВ, 1974 г.

К. НЕВЛЕР, М. УШАЦ, 1976 г.

БОЛЬШОМУ КОРАБЛЮ — БОЛЬШОГО ПЛАВАНИЯ!

Гизо НИШНИАНИДЗЕ

Рассказ

Свой человек

— Вот вы меня спрашиваете, что главное в нашей работе? Я вам так отвечу. В нашей работе, работе продавца, главное — знать покупателя. Найти, если можно так выразиться, своего человека.

Привожу пример. Стою я как-то раз в своем отделе мужской верхней одежды, покупателей разглядываю. Они ходят, пальто щупают, головой качают. Да и как не качать, когда наш товар увидишь. Я их понимаю, но к ним не стремлюсь, стою спокойно, своего человека высматриваю. Не заметил даже, как ко мне подошел кто-то, за рукав трогает. Обернулся я, смотрю, молодой человек стоит. Замерзший какой-то, съежившийся. И говорит мне шепотом:

— Дорогой товарищ, выручай, пожалуйста. Очень мне нужно теплое пальто.

И только он так сказал, сразу я понял, что он свой человек. Не потому понял, что он сказал, а потому, как он сказал. Шепотом.

Киваю я ему, беру за рукав и веду в кабину. А сам на ходу уже профессионально размер и рост прикинул. Сбегал в подсобку, принес что надо. Надел гражданин пальто, даже заулыбался, до чего оно в самый раз. И говорит, опять же шепотом:

— Спасибо большое. Как раз о таком я мечтал.

Потом идет он в кассу, выбивает чек, забирает на контроле свое пальто и как ни в чем не бывало направляется к выходу.

Я, сами понимаете, настолько оторопел от его нахальства, что даже просто растерялся. Настолько растерялся, что перехватил его у самого выхода и говорю:

— Ну?

А он смотрит на меня и делает вид, что не понимает.

— Ну? — спрашиваю.

А он, нахал, подходит ко мне вплотную и опять шепчет:

— Спасибо, отличное пальто.

Я прямо не выдержал.

— Что же ты шепчешь-то? — говорю ему с сарказмом.

И думаете, что он мне ответил?

— Так я,— говорит,— уже неделю, как шепчу. Простыл, понимаешь, без пальто-то, простудился. Теперь все в норме будет.

Сказал и пошел себе. Вот так. А я ведь на сто процентов был уверен, что это свой человек.

Авторизованный перевод с грузинского

Гр. ПРУСЛИНА.

САМОЕ, САМОЕ...

Дм. ИВАНОВ, Вл. ТРИФОНОВ, специальные корреспонденты Крокодила

ЛЕД СО ЗНАКОМ КАЧЕСТВА

Ему сегодня всего лишь пять. Возраст, как говорится, детский. Но за пять лет он сделал больше, чем его собрат в швейцарском городе Давосе за целый век.

Нет, нет, господин Майер, пожалуйста, не отпирайтесь! Вспомните 1970 год. Вы ведь тогда при свидетелях сказали: «Если когда-нибудь здесь появится искусственная дорожка, то все катки мира можно закрывать». И, помнится, в этом вашем «если» было столько убежденного скептицизма, что безжалостный приговор неродившемуся катку Медео подписал и французский архитектор мсье Шаппи Лоран — мировой авторитет в области спортивных сооружений и многие другие специалисты.

Сомнения господ и мсье, конечно, имели веские основания.

В любую секунду облюбованное место могло изрядно потрепать землетрясение какой угодно силы. Шальной снежной лавине ничего не стоило свести на нет усилия десятков сотен людей. Наконец, камнегрязевому потоку — селю, каждой весной буквально стоящему на старте и готовому ринуться вниз с близлежащих гор, расправиться с любыми кирпичными, блочными или панельными зданиями не сложнее, чем ребенку разломать карточный домик.

Однако эти и десятки других сложнейших вопросов смогли решить наши ученые и конструкторы. Строители и монтажники воплотили инженерные замыслы в жизнь. А жизнь подвергла их суровым испытаниям, которые были выдержаны с честью.

Но сегодня мы вспомнили слова прославленного норвежского конькобежца Фреда Антона Майера не потому, что хотим мягко пристыдить его за прежний скептицизм и призвать возглавить международное движение по закрытию прочих катков. Просто мы хотели бы пригласить всех, кто не верил в эту затею, побывать сегодня на уникальном высокогорном спортивном комплексе «Медео», построенном в живописнейшем урочище Заилийского Алатау всего за два года вместо нормативных четырех лет.

Кажется, ну что это за вопрос — из чего бу получаться лед? Из ды, конечно. Двоеч ответит: вода пре щается в лед при охл дении ниже нуля гра сов. Но если этим ль должно быть покр поле размером бо десяти тысяч квад ных метров, если должен не таять на гигантской площади семь месяцев кряду, ли он всегда дол быть кристально чист то, согласитесь, тут над чем поломать го ву.

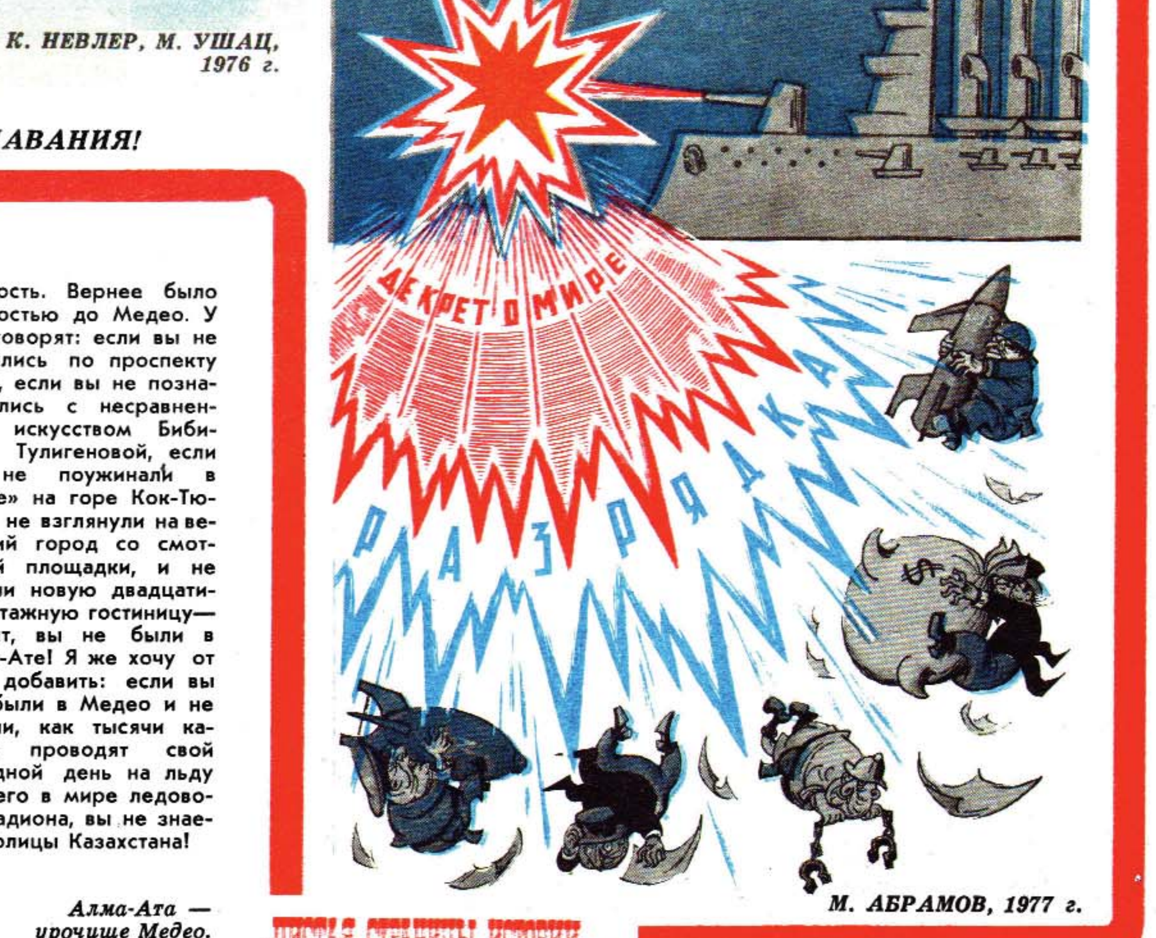
И ломали. Ломал один человек и не Сколько нужно льда какого, получать нау лись. Для этого п шлось огромное п сделать в виде слоен пирога толщиной по в два с половиной метра, для «начинки» этого пирога использовать двадцать наименований самых надежных и современных материалов, а в верхнем железобетонном слое катка проложить сто семьдесят километров труб для циркуляции холодоносителя — «рассола».

Какими же успехами может похвастаться наш пятилетний «малыш»? Хвастаться ему трудно: слишком много успехов. Когда ему был всего годик, статистики еще успевали следить за событиями и фиксировать их. Тогда было точно известно, что из 375 лучших конькобежных результатов сезона 249 показаны именно здесь, в урочище Медео, среди стройных тянь-шаньских елей, и только 126 — на всех других зарубежных катках, вместе взятых. Но потом бешеный ливень мировых, европейских и всесоюзных рекордов спутал все. Теперь же самые дотошные болельщики на вопрос о количестве рекордов с улыбкой пожимают плечами: много, очень много!

Но есть один — самый главный. О нем напомнил нам шофер автобазы Сержан Серсенбаев, только что резавший коньками лед, так сказать, в любительском порядке, как и сотни других бронзовотелых конькобежцев - любителей.

— Испокон веков казах крепко держался в седле. Казах на коне — картина привычная. Но казах на коньках — это редкость. Вернее было редкостью до Медео. У нас говорят: если вы не прошлись по проспекту Абая, если вы не познакомились с несравненным искусством Бибигюль Тулигеновой, если вы не поужинали в «Ауле» на горе Кок-Тюбе, и не взглянули на вечерний город со смотровой площадки, и не видели новую двадцатипятиэтажную гостиницу — значит, вы не были в Алма-Ате! Я же хочу от себя добавить: если вы не были в Медео и не видели, как тысячи казахов проводят свой выходной день на льду лучшего в мире ледового стадиона, вы не знаете столицы Казахстана!

Алма-Ата — урочище Медео.

М. АБРАМОВ, 1977 г.

ДОЛИНА ПОЭТОВ

Сто веков прокатилось,
и пришло наше время,
И не гости теперь
мы на этой земле.
Мы хозяева здесь,
мы, кочевников племя.

Аржан АДАРОВ.

Е. ГОРОХОВ,
специальный корреспондент Крокодила

Перед нами «Каярлык» — это алтайское слово можно перевести как «Долина поэтов».

Мы прытко едем в «газике» по этой долине Горно-Алтайской области. Воздух чист и прозрачен, в нем спокойно парят беркуты, ревниво поглядывая на реактивные громады, которые иной раз просвистят в вышине.

Кое-где в этой долине попадаются места древнейших захоронений, издали они кажутся кучкой свежих камней, словно бы высыпанных из МАЗа. Один из этих курганов называется Базыркский, в нем найден самый древний ковер в мире — хранится в Эрмитаже. Ему более 2000 лет. А вот на зеленой лужайке выстроились в ряд камни, как бы поставленные на дыбы. Они обозначают количество побед захороненного здесь тюркского воина. Тут и его каменный портрет. Рука его поднята, усы топорщатся кверху, а аккуратненькая бородка придает сходство с паном профессором из кабачка «13 стульев».

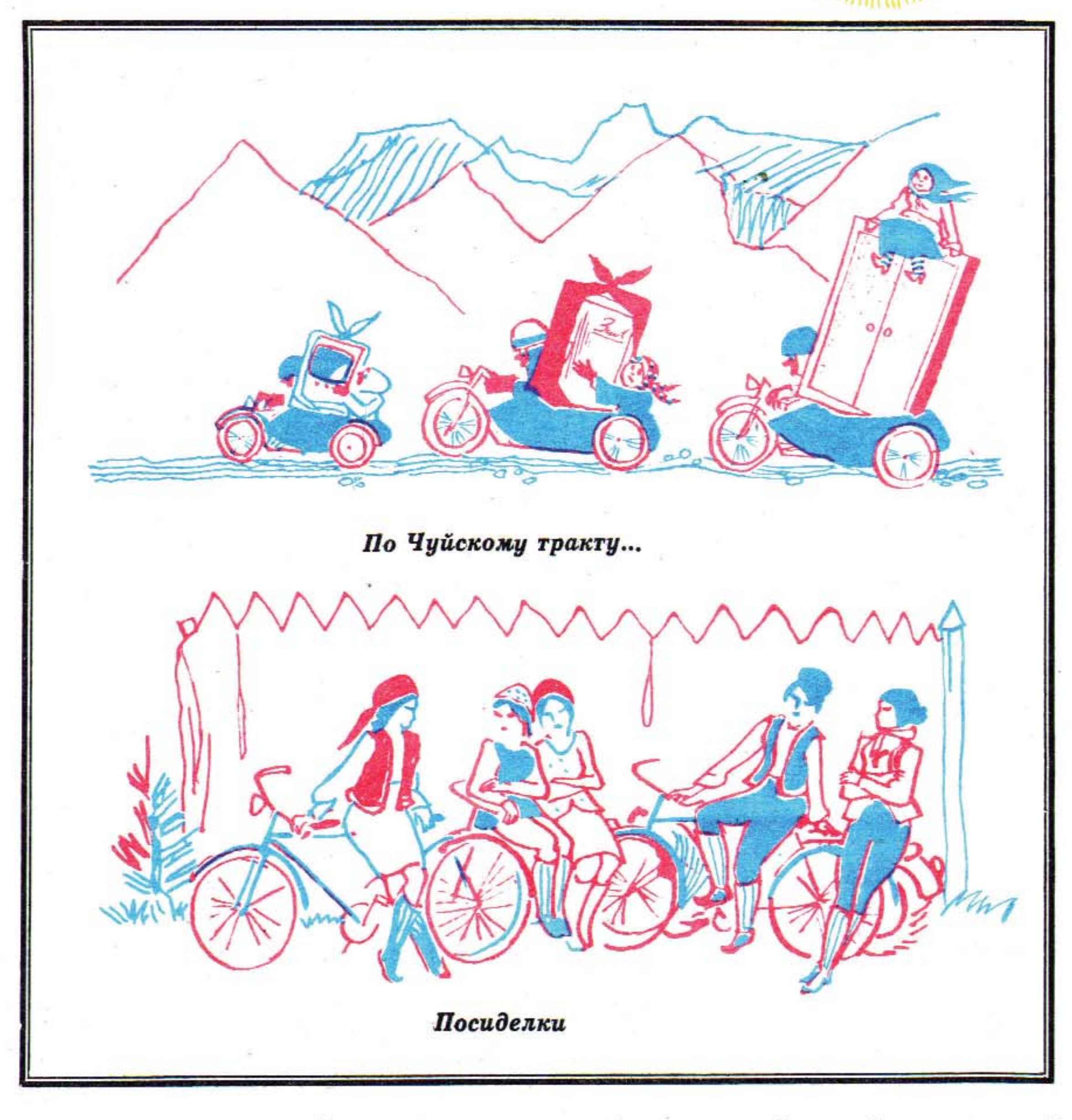
Я спрашиваю спутника:

— Володя, я узнал, что в Горном Алтае добывается самое большое количество эликсира бодрости — пантов. 60 процентов от общей добычи по стране, но почему же долина названа «Долиной поэтов», а не благородных оленей, например?

Володя туманно отвечает: «Еще маленько рано знать».

Дружеские шаржи поэта Лазаря КОКЫШЕВА.

По Чуйскому тракту...

Посиделки

Ну что ж, едем дальше. Наш «газик» весело мчит к синим горам.

Вечерело... Солнце начало опускаться, его лучи фантастическим веером распластались по небу. Все притихло вокруг и стало напоминать картины Рериха.

— Когда-то вон у той горы,— сказал Володя,— в одиночестве стоял наш первый поэт, доктор филологических наук Сазон Сурозаков. Стоял и думал: «Хорошо бы, если бы в этой долине родился еще один поэт...» Теперь в этой долине вместе с ним уже три известных поэта.

Наш «газик» затормозил. Все. Дальше гор — только горы, а за ними Монголия. Здесь, в этой деревушке, и родился талантливый лирик — поэт Аржан Адаров. По секрету скажем, поэт Аржан Адаров — это и есть наш гид Володя, переводчик, искусствовед, историк...

Он автор прекрасных поэтических сборников, один из которых — «Живая вода» — недавно вышел в издательстве «Советская Россия». Кроме того, Владимир Ойнчинович собиратель фольклора и защитник всех «интересных стариков». Вот и сейчас мы заезжали в районную больницу навестить какого-то пастуха, которому необходим аппарат для того, чтобы ему легче дышалось.

Есть в этой деревушке и клуб, и школа, и собственные ярко-красные «Жигули» у многих бывших кочевников-скотоводов. Но все же порой настоящие медведи спускаются сюда с гор и производят большой шум и переполох среди домашних животных. (Кстати о медведях. Местный пастух просил написать: «Большую ошибку сделал Шишкин, когда трех медвежат рисовал. Медведица только двух родит».)

— А где же третий член Союза писателей?

Въезжаем в центральную усадьбу совхоза «Ело». Входим в маленький деревянный домик, рядом с которым стоит юрта-кухня. Во дворе только девчушка с собачкой.

— Ты здесь живешь?

— Нет. Я живу в Новосибирском Академгородке. Папа у меня кандидат наук,—охотно отвечает девочка.— А здесь мы гостим у дяди.

Из юрты выходит улыбающийся, спортивного вида человек лет сорока. Это и есть известный алтайский поэт Эркэмен Палкин. Сразу же захотелось узнать, не любит ли он спорт.

— А как же? Выступал за команду Литинститута...

Эркэмен подает старую бумажку. Это какой-то список.

— Адаров — защитник, Евтушенко — нападающий, Палкин — вратарь...

А вечером разговоры, разговоры—о поэзии, об искусстве, о друзьях. Эркэмен Палкин на прощанье говорит:

— Вернетесь в Москву — самый, самый большой поклон памятнику Пушкина и, конечно, стихам, высеченным на его пьедестале.

Ну, не чудо ли? Совсем недавно, несколько десятков лет назад, этот народ не имел собственной письменности, только старики сказители хранили национальные предания. Это был глухой, заброшенный край. И вот на тебе — мы гостим у известного советского поэта, который на днях собирается с делегацией посетить Индию.

Радостно за моих новых товарищей из древних кочевых племен Эркэмена Палкина, Сазона Сурозакова и Володю Адарова!

Алтайский край.

ВОКРУГ СВЕТА И ТЬМЫ

КРОКОДИЛЬСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ГАЗЕТА

Крик и шепот

Недавно группа журналистов взяла интервью у одного из иностранных рабочих в ФРГ. Уроженец итальянского города Верона, он работает на заводе в Штутгарте. Среди журналистов был и наш специальный корреспондент Лев Скамейкин. Вот что он сообщил.

Когда итальянского «гастарбайтера» спросили, доволен ли он своей жизнью в ФРГ, итальянец тут же закричал:

— О синьоры! Никогда в жизни я не жил лучше, чем в этом благословенном Штутгарте! Пусть разразит меня гром, если я вру!

Но тут же, почему-то шепотом, он добавил:

— Если откровенно, синьоры, то хуже некуда! Нас поселили в бараках, сырых, как эта лужа, нас семьсот человек, но нам негде даже умыться, потому что нет ни одного умывальника.

— Ну, а как вам нравится ваша работа! — спросили журналисты.

На что итальянец тут же закричал:

— О синьоры! Это не работа, а чистый рай! Никогда не думал, что мне может так повезти! Такое отношение со стороны администрации, такие заработки!

После чего он шепотом добавил:

— Я каждый день молюсь, чтобы святая дева Мария не дала мне умереть от этой работы. С нами обращаются, как со скотом, нам достается только самая тяжелая и самая грязная работа. На конвейере задают сумасшедший темп.

Но тут же он снова закричал:

— Боже милостивый! Как же благодарен я тебе, что угодил в Штутгарт!

— Послушайте,— спросил наш корреспондент,— а почему вы то кричите, а то говорите шепотом!

— Шепотом я говорю для вас,— тихо объяснил итальянец,— а кричу вон для тех собак...— И он указал в сторону заводских охранников, которые внимательно наблюдали издалека.— Если они услышат, что я жалуюсь, то меня отсюда немедленно выгонят. У них ведь здесь своя безработица, так что с нашим братом и вовсе не церемонятся. За последние два года шестистам тысячам «гастарбайтеров» пришлось убраться из ФРГ домой. А я так не хочу отсюда уезжать! — опять что есть силы закричал он.

И шепотом добавил:

— А я так не хочу отсюда уезжать, потому что в Италии я не найду даже такой каторжной работы. Вот в чем штука...

— Боюсь, Чарли, нам уже делать нечего. Зачем вы раньше времени ему сказали, сколько стоит операция?

Рисунок В. МОЧАЛОВА

«Каковы действительные права и свободы, которые обеспечивает широким массам трудящихся современное империалистическое общество!

«Право» десятков миллионов на безработицу! Или «право» больных обходиться без врачебной помощи, которая стоит огромных денег! Или «право» национальных меньшинств на унизительную дискриминацию в труде и образовании, в быту и в политической жизни! Или, может быть, «право» жить в вечном страхе перед всемогуществом организованного преступного мира!..»

Из доклада товарища Л. И. Брежнева на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР.

Новости сервиса

На седьмом небе

Игорный дом разбежался, взревел и взмыл в воздух. Унизанные диамантами руки американских миссис и мисс изящно потянулись к бокалам. Их спутники снисходительным наклоном голов позволили официантам наполнить хрусталь выдержанным шампанским. Другая часть авиапассажиров заполнила салон, где рулеточный крупье предлагал делать ставки.

Куда летят эти обнаженные спины и крахмальные воротнички?

Один нью-йоркский ресторан решил сделать бешеный бизнес на бешено богатых и для их утех оборудовал летающий игорный дом с подачей горячительных напитков. Входной билет стоит сущий пустяк — 100 долларов, а за каждое дополнительное развлечение взимается отдельная плата, приблизительно соответствующая набранной самолетом высоте.

Но зачем же так высоко?! Неужто нельзя было открыть для титулованных долларом особ суперкабак где-нибудь на 42-й стрит?

Можно, конечно. Только вот беда: шумновато стало последнее время на улицах Манхэттена. Нет-нет, да и ворвутся в зашторенные варьете и клубы проклятия нью-йоркских обездоленных. Ну, хотя бы тех, о которых недавно писал еженедельник «Тайм». «Безнадежность живет в зловонной квартире гетто, где дети развлекаются, преследуя тараканов и увертливых крыс... В этих условиях среди детей широко распространены такие бедствия, как свинцовое отравление (едят облупившуюся краску) и жестокий грипп. Дети часто спят в одной постели, отделенные от родителей одеялом... Бывают случаи, когда питаются тем, что выуживают из мусорных бачков...»

Вот и представьте, если эта несчастная публика поднимет гвалт под окнами земного вертепа для сверхбогатых. Тут даже пулярки под раковым соусом не захочется. Иное дело в поднебесье: туда не доносятся охи миллионов американских отверженных...

Люди и годы

Сорок лет спустя

Тридцатипятилетний житель города Филадельфии (США) Эдвард Смирл, магистр права, подал заявление о приеме в коллегию адвокатов. Ему отказали.

Тридцатишестилетний житель города Филадельфии (США) Эдвард Смирл, магистр права, подал заявление о приеме в коллегию адвокатов. Ему отказали.

Тридцатисемилетний житель города Филадельфии Эдвард Смирл, магистр...

А дальше, любезный читатель, если вас это не очень, конечно, затруднит, напишите сами еще сорок пять раз подряд эти восемнадцать слов, прибавляя лишь всякий раз еще один год к возрасту бедного Эдварда Смирла, жителя города Филадельфии (США), магистра права.

Полагаем, что даже при наличии свободного времени вам это занятие весьма быстро надоест.

А теперь представьте, каково же было самому Эдварду Смирлу, магистру права, ежегодно писать эти унизительные прошения о принятии его в ряды филадельфийских адвокатов! Он писал, а ему издевательски твердили в ответ: «нет». Он спрашивал почему, а ему отвечали приблизительно так: «Потому, что кончается на у». Во всяком случае, главной и единственной причины они не называли, но и проситель и отказчики отлично понимали, в чем тут штука: Эдвард Смирл, житель Филадельфии (США), магистр права, имел несчастье родиться с черной кожей. Он негр.

И вот недавно, когда Смирлу исполнилось 82 года, верховный суд штата решил, что теперь уж все равно этот чернокожий старик будет недолго контрастировать с лилейно-белыми лицами прочих адвокатов, сидя с ними рядом, и посему суд постановил: «Принять его в коллегию!»

Возможно, адвокат Смирл еще сумеет на своем веку кого-нибудь защитить, но одно совершенно ясно — никогда он не станет защищать фальшивый казенный тезис о равноправии рас в США.

Для дома, для семьи

Бронированный гусь

По преданию, древний Рим спасли гуси: они загоготали при приближении врагов. Если бы сегодня римляне завели гусей с той же целью, то от гогота пернатых можно было бы оглохнуть: воры и грабители круглые сутки идут на приступ квартир.

Жители древнего города стали устанавливать в своих домах хитроумнейшие дверные запоры, но полиция утверждает, что грабители осваивают их быстрее, чем сами хозяева. По мнению полиции, наиболее радикальным средством защиты от нападения является... бронированная дверь, справиться с которой можно только с помощью сварочного аппарата. Несмотря на высокую стоимость таких дверей — 450—550 тысяч лир,— спрос на них постоянно растет. Бенедетто Феделе, хозяин фирмы по производству и установке бронированных дверей, заявил, что за последние семь лет он только в одном Риме продал 12 тысяч штук, причем без всякой рассрочки и за наличные. Сейчас для того, чтобы купить бронированную дверь, люди записываются за месяц вперед.

На снимке: в одном из римских магазинов продавщица показывает образец бронированной двери.

Им. ЛЕВИН

Плюс-минус ноль...

Звонит мне на днях сам Василий Пименович и говорит с некоторой интонацией: так, мол, и так, Капитон Капитоныч, есть тут мнение перебросить тебя на руководство вновь организуемой конторы. Оклад — плюс двадцать к нынешнему. Как на это смотришь?

— Смотрю на это,— отвечаю,— вполне прогрессивно.

— Насчет прогрессивки не беспокойся. Будет. Да, кстати, поскольку штата там никакого нет — одно пустое место,— можешь взять с собой несколько человечков. Самых преданных. По своему усмотрению. Будь.

И легонько положил трубку.

Ну и задачку задал мне Василий Пименович! Весь день ломал голову, кого брать. Кто самый преданный? Как в чужую душу заглянешь, когда там, известно, темень?

Так с больной головой и пришел домой. Ну, Маша моя быстро сориентировалась. И говорит, что твой Конек-Горбунок: это горюшко не горе. Надо только слушок пустить, что тебя не на плюс, а на минус двадцать кидают. Вот тогда сразу и увидишь, кто тебе друг, а кто никто.

— Идея,— подхватываю.— Только кто этот слушок пускать будет? И через какие каналы?

— Пускать буду я сама. А канал известен: жена Никифора Ивановича. Позвоню и как бы по секрету поплачусь в жилетку: переходим, мол, с коньяка на старку. Надо как-то двадцатку экономить...

Да, большой головы у меня человек Маша!

Прихожу к себе на работу. Что такое? Никакого шевеления. Кто заискивал, тот заискивает, кто грубил, тот грубит, кто бездельничал, тот так и сидит сложа руки...

«Ладно,— думаю,— слушок, видно, замедленного действия. Не отстоялся еще. Не загустел».

Проходит еще день, другой, третий. Что за чертовщина? Ну, нет перемен, хоть убейся.

— Видно, заедает что-то в канале,— решила жена,— постарела супруга Никифора Ивановича. Погас в ней творческий огонек. Бывало, раньше из одного намека такой слушище раздует — душа радуется, а нынче... Да, один выход у тебя, Капитоша, давай сам на себя слух пускай. Поодиночке. Смотри на реакцию. Запоминай, чтобы не ошибиться.

Прихожу на работу. То одному, то другому как бы невзначай, со вздохом говорю: вот, мол, ухожу от вас скоро... уходят меня... с минусом двадцать... Все как-то рассеянно кивают головами, смотрят в сторону и, даже не моргнув глазом, удаляются.

Всех испытал — главбуха, просто бухов, плановиков старших и младших, экспедитора — никакого впечатления. Игру, что ли, мою раскусили или просто так шутят?

Спускаюсь в задумчивости и вижу: у двери тетя Нюша шваброй орудует. Может, ее испытать?

Излагаю ей, значит, историю с минусом, а она в такт словам шваброй по полу туда-сюда, туда-сюда. Окончил. Жду. А тетя Нюша домыла участочек, голову подняла и спрашивает:

— Кому?

— Что,— переспрашиваю,— кому?

— Кому интересно все это?

— Как же? Все-таки ухожу.

— Милай, да что ты есть, что тебя нет — все одно. Потому как пустое место. Плюс-минус ноль по-научному. Прямо тебе говорю, потому как не боюсь. Меня вон на каждой станции метро сто двадцать рублей нараспашку ждут...

Иду я домой и думаю: мелко вспахал. Надо было как минимум на сотню намекать. Кого сегодня двадцаткой заинтригуешь?

Владимир ЧЕПИГА

В большую жизнь

Выпускной вечер окончился, и вчерашние десятиклассники отправились на берег реки встречать восход солнца.

Первым далеко впереди шагал председатель родительского комитета, подполковник в отставке Лупийчук. Его выдвинули в авангард на случай непредвиденной встречи с каким-нибудь запоздалым пьянчугой, чтобы подполковник принял удар на себя, пока вся процессия не юркнет в ближайший переулок.

За ним, на расстоянии пятидесяти метров, шумной гурьбой под перебор гитар и звон стаканов, неизвестно для чего понадобившихся выпускникам (старенькая классная руководительница Розалия Иосифовна предположила, что для газированной воды), весело шаркали платформами по асфальту наши деточки.

Не сводя с их затылков горящих взглядов, в которых ясно читалась готовность к самопожертвованию, позади сосредоточенно двигалась молчаливая толпа родителей.

Тяжело кряхтел профессор Довбанюк, сгибаясь под тяжестью здоровенного рюкзака, набитого снедью для усатого Сашеньки, а также транзистором, магнитофоном и кожухом, чтобы в случае прохладной погоды набросить на сыночка.

Мастер с мебельного комбината Гомонец прихрамывал рядом с женой, толкавшей перед собой старенькую детскую коляску. В этой коляске, как она объяснила нам, семнадцать лет назад вылеживался ее Митенька, а сейчас там находились корзинки с ранними огурчиками, поздней клубничкой, первыми черешнями и вторым костюмом, который Митенька пожелал надеть на берегу. Сам Митенька — двухметровый здоровяк в вышитой рубашке с вытачками и оборочками, на воротник которой тугими волнами спадали рыжеватые волосы,—густым басом выводил впереди: «Капитан, обветренный, как скалы...» — и время от времени озирался и звал:

— Ма! Ты не отставай!

В ответ Гомонец ворчал что-то неразборчивое, но сердитое, а его жена начинала суетиться, как квочка, вырывалась со своей коляской вперед и озабоченно отзывалась:

— Я тут, я тутоньки, сыночек, не беспокойся, гуляй спокойно. И папочка тут!

Я нес портфель с плащом и запасными туфлями для нашей Танюши, а жена—зонтик для нее же. Кроме того, я еще пер авоську с тремя бутылками лимонада, банкой протертой морковки и большим пакетом с пирожными.

Танюша уже несколько раз подбегала к нам, быстро глотала из фужера, который я предусмотрительно держал в кармане, лимонад, хватала пирожное и вприпрыжку спешила к подругам. Мы с женой провожали ее влажными глазами. Это ж надо — наша Танюша уже взрослый, самостоятельный человек! С аттестатом зрелости!

До берега было еще далеко, и дети начали уставать. Первой не выдержала Оксанка Дармостук. Она опустилась на бордюр и бессильно вытянула ноги в лакированных сандалетах.

— Не могу больше идти,— простонала она.— Пятки все в мозолях... Говорила я тебе,— накинулась Оксанка на мать,—что надо было прихватить вот те, с мягкими ремешками. Что теперь делать?..

— Ничего, Оксаночка, ничего,— успокаивала ее мама.— Сейчас мы что-нибудь придумаем.

Она подозвала мужа. Дармостук — начальник цеха на машиностроительном заводе — присел возле нее и внимательно, будто речь шла о каком-то срочном государственном заказе, выслушал жену. Затем кивнул, помог Оксанке подняться и взял ее на руки, как все родители берут своих малолетних детей. Правда, Оксанка, видимо, была тяжеловата: за каждым шагом где-то внутри у Дармостука что-то глухо квакало. К тому же мешали Оксанкины ноги. Они волочились по асфальту, и поэтому он шел боком, как краб, но еще медленнее. В конце концов он не выдержал и гаркнул на жену:

— Ты что, не видишь? А ну подбери ноги!

Она мигом подхватила дочку за ноги, и супруги двинулись дальше. Оксанка громко смеялась и выкрикивала:

— Я на наблюдательном пункте! Докладываю: солнца еще не видно!

Следующим скис Славик Гелюта. Позванивая колокольчиками, пришитыми к джинсам, он подошел к отцу и вполголоса проговорил:

— Слушай, старичок, смотайся за машиной, а? А то, как представлю, что и обратно придется пешком чалапать, тошно становится.

— Славик, но ведь до гаража отсюда километра четыре будет,— занервничал Гелюта, мастер «золотые руки» с трикотажной фабрики.— Автобус-то еще не ходит.

— А ты трусцой, трусцой,— подбодрил его Славик.— Ты же у меня старичок будь здоров!

Гелюта потоптался, покашлял в кулак, почесал в затылке и наконец решился.

— Ладно, сбегаю,— сказал он.— Буду ждать возле спуска.

— Вот и молодец!— похвалил его Славик.— Я захвачу кого-нибудь из наших. Развезешь заодно.

Через минуту дробный стук каблуков мастера затих в предрассветной мгле.

Наша Танюша выпила очередной фужер лимонада, сжевала восьмое за ночь пирожное и пожаловалась:

— Шея нестерпимо разболелась.

— Шея? Отчего бы это? — удивился я.— Попробуй покрутить головой.

— Спасибо за совет,— язвительно сказала она.— Крути сам, если нравится. У меня же прическа!

— А-а, все понятно! — рассмеялся я.— Выходит, ты все время не двигала головой, чтобы не испортить свою изумительную прическу!

— И правильно делала,— вмешалась жена.— Я над этой прической целый день билась. Зато ни у кого такой нет. А ты,— обратилась она ко мне,— вместо того, чтобы хихикать, лучше помоги ребенку.

— Как же это я помогу? — поразился я.

— Очень просто. Поддержи ей голову, чтобы мускулы расслабились. Думаю, что для тебя это должно быть даже приятно. Видел, как другие заботятся о своих детях?

Я отдал жене авоську и сумку и, осторожно придерживая сзади Танюше голову, пошел за ней, стараясь идти в ногу.

— Можно останавливаться! — послышался голос председателя родительского комитета Лупийчука.— Прибыли!

Родители тут же бросились распаковывать свои рюкзаки, сумки, портфели и кормить утомленных ночным переходом детей.

Рассветало.

Кто-то из родителей, вспомнив, очевидно, молодость, дрожащим голосом затянул: «Солнышко светит ясное...» — но не закончил, так как к нему подошел Петюня Галабан и, пощипывая свои бакенбарды, лениво спросил:

— Сигаретки случайно не найдется?

У певца покраснела лысина, но он молча полез в карман и вытащил пачку «Столичных».

Всходило солнце...

Мы провожали своих детей в самостоятельную жизнь...

Перевод с украинского.

КРОКОДИЛИНКИ

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

Рисунок В. АШМАНОВА

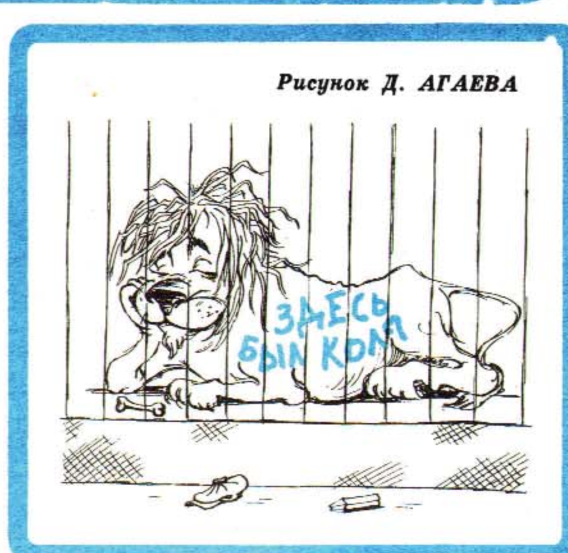

Рисунок Д. АГАЕВА

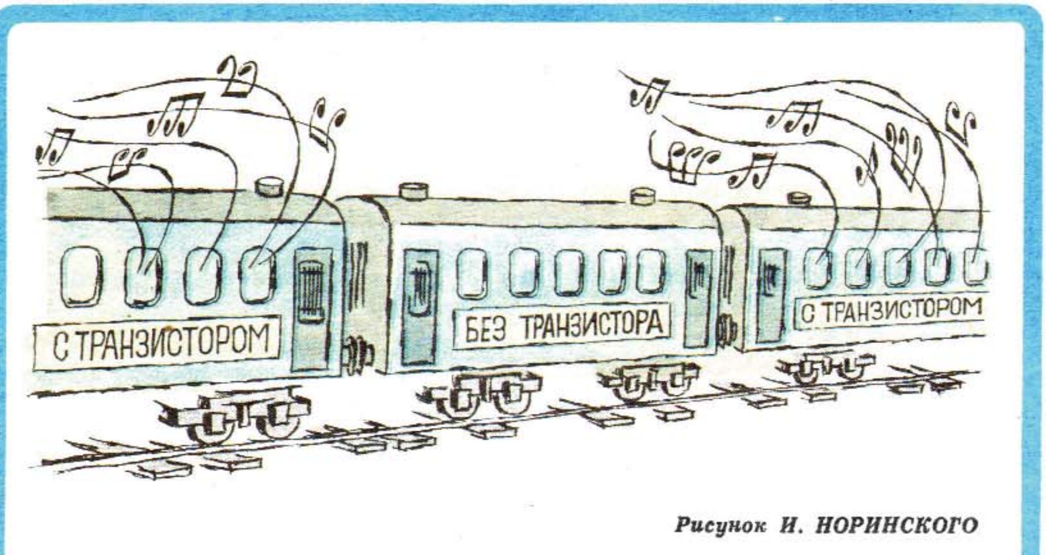

Рисунок И. НОРИНСКОГО

— Успокойся, Федя, и покажи, кто забил нам гол...

Рисунок А. СКОТАРЕНКО

Рисунок Е. МИЛУТКИ

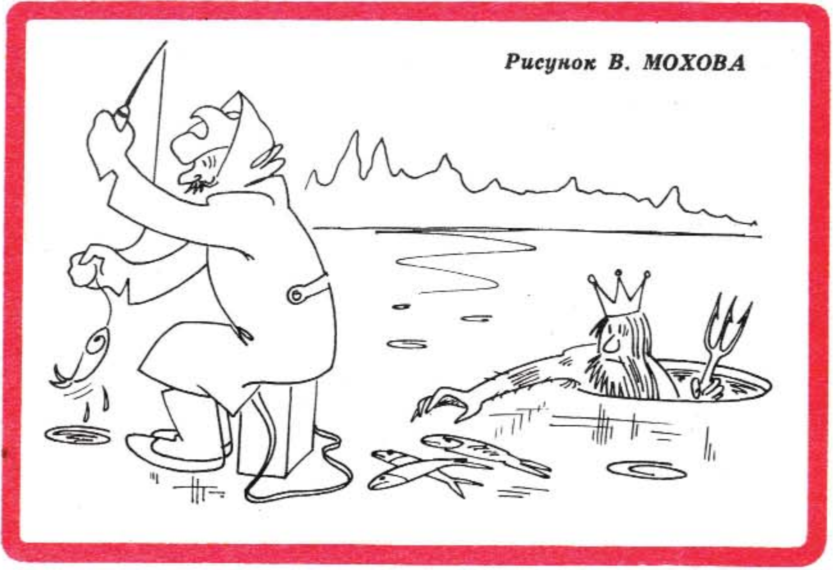

Рисунок В. МОХОВА

Рисунок А. СЕМЕНОВА

Вл. ПАНКОВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ о смысле семейной жизни

Коля Сидоров пришел домой с работы и чуть не ахнул мимо стула.

— Обокрали!..

Во всей квартире не было ни диванов, ни кроватей, ни стульев.

Коля бросился было к телефону вызывать милицию, как вдруг из кухни выплыла лебедь белая — жена Лида в седом парике.

— Ты чего шумишь?

— Кража, не видишь, что ли? — Сидоров выразительно махал руками, словно выступал в самодеятельном концерте.

— Какая кража?

— Мебели-и-и!.. Господи, как мы теперь жить-то будем? Сесть ведь не на что!

— Без паники,— неожиданно спокойно ответила лебедь белая,— мужчина должен жить без комфорта.

Сидоров перестал выступать в самодеятельности и задумался:

— Это твое, что ли, мероприятие?

— Какое мероприятие?

— Мебель никак сбыла?

— Не всю. Только сидельную и лежальную.

— Та-ак. Опять какое-то перевоспитание задумала... Я тут прихожу с работы, измочаленный, затурканный, на работе неприятности, дел невпроворот, план горит, качество страдает, еле ноги волоку...

— И сразу — хлоп — на диван,— вставила Лида.

— Правильно. Должен же я в себя прийти.

— В себя пришел — поднимайся, а ты дальше лежишь, уже мимо себя.— Лида показала на телевизор.

— Что, не имею права телевизор посмотреть, да?

— А если бы ты жил в пещере? — с вызовом бросила Лида.

— А при чем здесь пещера?

— А при том, что в пещере никакого комфорта не было, а люди жили...

— Что ты такое говоришь-то, Лидуха? — Коля всерьез засомневался насчет умственного состояния своей супруги.— Сейчас-то чего в пещеру лезть?

— Мужчина всегда должен быть чуточку пещерным жителем, — провозгласила Лида, — он должен каждую минуту заботиться о пропитании семьи.

— А я что, не забочусь?.. Прихожу затурканный, план горит, качество страдает...

— Заботишься, но не каждую минуту.

— Еще каждую минуту не хватало!.. Тут дел невпроворот, еле ноги волочу, измочаленный...

— А другие тоже еле ноги волокут, а приходят домой и начинают подрабатывать. Кто пол циклюет, кто смесители меняет, кто рацпредложения обмозговывает, а ты — хлоп — и на диван.

— Так я же, может, лежа на диване и думаю, Лидуха ты моя...

— Только сопишь при этом сильно...

— Да понимаешь,— смущенно улыбнулся Коля,— как пригреешься, оно как-то само собой... Опять же затурканный, измочаленный...

— План горит, качество страдает?.. Слышали уже! — решительно прервала дискуссию Лида.— Вот я и сбыла временно твои лежбища и седалища. Чтоб не сопел, значит, пригревшись, а думал, изобретал, полы циклевал, мысли рождал о смысле жизни...

Но тут Коля неожиданно разозлился. Разозлился и сел на пол. Сел на пол, а потом лег на спину.

— Хорошо, проживем и без комфорта,— задорно сказал он, укладываясь в позу трупа,— буду лежать. Лежать и размышлять о смысле.

— Каком смысле?

— О смысле семейной жизни.

Коля прикрыл глаза и очень скоро задумчиво засопел.

— Ну, мужики,— в сердцах сорвала с себя парик белая лебедь,— ну, ничего святого...

ПОГОВОРИЛИ

Ю. БУЛОТА

— Товарищ директор...
— Нет!
— Но я...
— Нет!
— Я только хотел...
— Ясно сказано: нет!
— Вы же сами...
— Не мешайте!
— Меня уже...
— Вот и хорошо!
— В этом году...
— И речи быть не может!
— Еще в прошлом году...
— Ничего не знаю!
Уходите!

Дверь за посетителем закрывается.

— Интересно, что ему от меня понадобилось!!

Перевела с литовского Е. ИОНАЙТЕНЕ

нарочно

придумаешь

«А вот и мастер теребления Сергей Захарович. Он легко сошел с трактора, осмотрел теребильные ремни, подошел к ним. Завязалась беседа».

Газета «По ленинскому пути». г. Кашин, Калининской области.

«Ввиду того, что фильм «Лекарство от любви» отменяется, показываем фильм «Любить воспрещается».

(Объявление).
Прислал Г. Цуркан, г. Орджоникидзе.

«Циферблатные часы, выпускаемые Тюменским приборостроительным заводом, удобны тем, что они компактны, легки, хорошо транспортируемы. На них можно взвешивать различные предметы до 20 кг».

«Рекламное приложение» к газете «Вечерний Минск».

«СПРАВКА
Демиденко Светлане Егоровне в том, что она действительно работала в ОРСе Орско-Халиловского меткомбината с 28/II-75 г. по 30/VII-76 г. Отчислена из ОРСа как неприступившая к работе».

Прислала Н. Подлесная, г. Новотроицк.

«Его жена подарила ему семиклассника Толю и первоклассниц Олю и Таню».

(Из телепередачи).
Прислала И. Кузьмина, г. Кагул.

«Невзирая на то, что у этого спортсмена есть жена и двое детей, он все-таки занял первое место».

(Из репортажа).
Прислал В. Попенюк, г. Нальчик.

«Продается корова и мотоцикл, корова 1-й год доится, мотоцикл 4-й год».

(Из объявления).
Прислала Н. Гордиенко, Волгоградская область.

«С первым мужем я прожила три года. Очень любила его. Фамилия мужа Николаев. Имя и отчество не помню».

(Из показания в суде).

«С разделом имущества я не согласен по следующим основаниям: корова очень стара, а теленок родился без хвоста».

(Из жалобы).
Прислала В. Белова, Палкинский район, Псковской области.

улыбки разных широт

Репортер, прибывший на место железнодорожной катастрофы, увидел искореженный паровоз, вставшие на дыбы вагоны и изогнутые рельсы. Посреди этого ада стоял человек с забинтованной головой.

— Скажите, вы можете мне рассказать что-нибудь о крушении! — обратился к нему репортер.

— Какое крушение! Я не слыхал ни о каком крушении...— пробормотал забинтованный.

— Позвольте, но кто вы!

— Я один из директоров этой железнодорожной компании.

●

— Сэр, ваша машина у дверей.
— Да, я слышу, как она стучит.

●

Крупный международный шпион поставлял информацию одновременно Англии, ФРГ, Голландии и Саудовской Аравии. Сотрудник ЦРУ предложил ему двойное вознаграждение, чтобы иметь возможность тоже пользоваться его услугами.

— Не могу,— с сожалением вздохнул шпион.— Я лично ничего против Соединенных Штатов не имею, но на моей пишущей машинке больше четырех экземпляров зараз печатать нельзя...

Джордж ШЕФФИЛД (Англия)

Печальная история

— Думаю, что вы врач,— сказал Огастэс Поукисл, улыбаясь с кровати дюжему мужчине, который неслышно вошел в комнату, пока Огастэс спал.— Вы очень любезны, но боюсь, что вы мне ничем не поможете. Но раз уж вы здесь, я постараюсь как можно короче рассказать вам, что меня тревожит. Я художник. Я пишу картины и рисую карандашом...

— Но...

— Вы хотите сказать, что вам вовсе не интересно слушать о моей жизни,— горько рассмеялся Огастэс.— Вы представитель бездушной публики, и вам совершенно безразлично, что талантливый молодой человек навсегда прикован к постели в расцвете своей молодости. Но вы не сможете понять причину моей болезни, пока я вам не расскажу историю своей жизни...

— Но...

— Я получил утонченное воспитание, и вскоре стало ясно, что я исключительно одаренный ребенок. Когда мне было семь лет, я получил приз за рисунок животного. Не будем говорить о том, что я хотел на самом деле изобразить закат над Лондоном. После этого мои гордые родители снабдили меня множеством карандашей и бумаги и предоставили мне возможность учиться у Великих Художников. Став совершеннолетним, я решил основать собственное дело и принялся писать портреты. Я написал одиннадцать автопортретов. Никто не хотел их покупать, и если вы зайдете в мою гостиную, вы увидите, как они печально висят на стене и глядят на Пустое Кресло, в которое я больше никогда не сяду, потому что я уверен, что никогда не поднимусь с этой кровати...

— Но...

— Заказчиков у меня не было, и я больше не решался писать свои портреты. Может показаться невероятным, но после того, как я закончил одиннадцатый автопортрет, я не испытывал подлинного удовольствия от портретной живописи, и это доказывает, что можно устать от созерцания даже самой неземной красоты...

— Но...

— Простите, но ваши реплики довольно однообразны. Разрешите мне закончить, и тогда вы можете говорить «но» сколько вам угодно. От портретной живописи я перешел к пейзажам. Я написал девять картин с видом из окна кухни и семь картин с видом из окна гостиной. Но смог ли я продать девять картин с видом из окна кухни и семь картин с видом из окна гостиной? Нет, я не смог их продать. У меня оставалось немного денег, и после жестокой борьбы с самим собой я решил забыть о душе и писать ради денег. Я решил рисовать смешные картинки для газет. Не забудьте, что я уже ни на что не надеялся, что я был почти голоден и не судите меня слишком сурово...

— Но...

— Знаю, о чем вы хотите сказать: если бы у меня была душа подлинного художника, я бы скорее умер, чем решился бы на такой шаг. Но не забудьте, что моя жена и дети просили есть или просили бы есть, если бы у меня были бы жена и дети. А разве я виноват, что у меня нет жены и детей? Итак, я каждый день рисовал от тридцати до сорока картинок и рассылал их по редакциям. Вскоре я обнаружил, что продать душу за деньги не так уж легко, как это кажется. Хотите верьте, хотите нет, но я ничего не получил за эти рисунки. Мне их просто-напросто возвращали.

— Но...

— Конечно, вы вправе спросить, почему мои рисунки возвращали. Не знаю. Я даже проверял их с помощью курицы. Я часто слышал выражение «курам на смех», поэтому я разложил все свои рисунки на полу и пустил на них курицу. Она, во всяком случае, долго кудахтала. Был ли это смех — не знаю, тем не менее она вскоре околела.

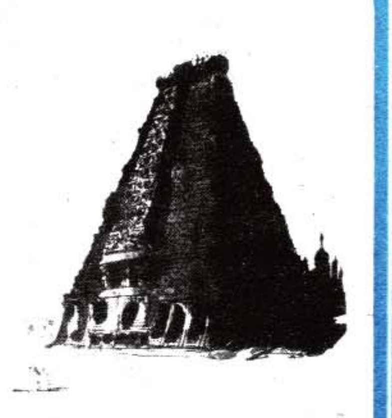
После этого я опускался все ниже и ниже. Я пытался делать рисунки для рекламы. Одежда, музыкальные инструменты, бутылки. Длинные, как жердь, леди с идиотскими улыбками. Я рассылал эти картинки сотнями, и что, вы думаете, я за них получал? Образцы рекламных изделий: бутылку или моток шерсти. Я уже ожидал рекламную долговязую леди с идиотской улыбкой, но, наверное, она затерялась на почте.

— Но...

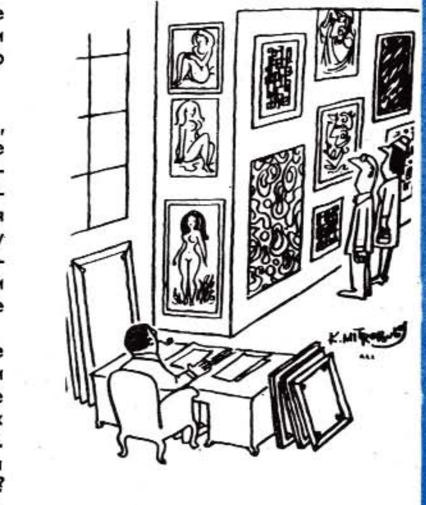
— И поэтому я отказался от дальнейшей борьбы. Мой дух был сломлен, и я решил лечь на эту кровать и больше никогда с нее не вставать. Ни вы, доктор, ни ваше врачебное искусство — ничего мне не поможет. Я уверен, что уже никогда не встану с этой кровати...

— А я уверен в обратном,— сказал незнакомец, осторожно укладывая молодого человека на ковер,— я из мебельного магазина и пришел забрать вашу кровать, потому что за нее не уплачен очередной взнос.

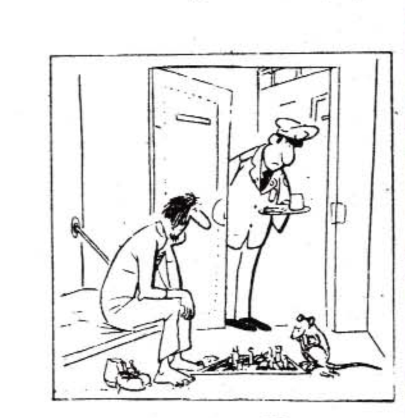
Перевел В. ХАЛЕБСКИЙ.

— Это копия. Оригинал находится в Британском музее.
«Панч», Англия.

«Акрополис», Греция.

«Еж», Югославия.

— В правилах сказано, что гвозди следует забивать с восьми утра до восьми вечера, вот я и стараюсь...
«Рир», Франция.

Коммивояжер, ездивший по делам фирмы в Денвер, представил после поездки финансовый отчет:

Билеты на самолет	**140 долларов.**
Номер в отеле и питание	**110 долларов.**
Такси	**30 долларов.**
Человек — не железный	**125 долларов**

●

«Уважаемый мистер Гиббс,— пишет записку учителю возмущенная мать одного из учеников,— не смейте больше бить нашего Джонни. Он слабый, болезненный, инфантильный ребенок. Мы сами его никогда не бьем, разве только в порядке самообороны...»

●

У фермера в Канзасе ураган сорвал с дома жестяную крышу. По совету друга он отвез исковерканную крышу в Детройт в мастерскую по ремонту автомобилей. Через два дня он получил письменный ответ: «Мы не смогли определить, что случилось с вашей машиной, но через три дня она будет готова».

Михаил ТОПАЛОВ (Болгария)

ПОЧЕМУ «ИЛИАДА» И «ОДИССЕЯ» НЕ ВЫШЛИ ВО ВРЕМЕНА ГОМЕРА

И сочинил свои песни певец Гомер.

Два тома, две книги на мировом уровне.

И с короткими названиями: «Илиада» и «Одиссея».

И отнес их в одно афинское издательство. Редактор просмотрел их и сказал:

— Бывает, дядя Гомер. Случается... И будет случаться. Но нужно кое-где подчистить, подправить твое творение.

— В каком смысле?

— Нужна более плотная творческая обрисовка отдельных героев. Ты, старый хитрец, знаешь, что каждый герой должен иметь свой характер, свои отличительные черты, чтобы их мог различить читатель. К тому же, согласись, ты малость банален в сравнениях.

— Например?

— «Богоравный Ахилл», «Богоподобный Одиссей», «Мудрый Нестор», Агамемнон «пастырь войск». Банальные сравнения, дорогой мой. Тебе бы надо пораскинуть мозгами, выдумать что-нибудь посвежей, посочней. Понятно, такой старик, как Нестор, будет мудрым, но должен тебе сказать, настолько ли он мудр, как ты его описываешь, коль он послал на войну обоих своих сыновей? Будь он действительно умным отцом, он бы послал только одного, а второго оставил во дворце управлять владениями. И куда это годится, когда старики идут на войну? Получается, что в ахейском войске нет молодых, энергичных людей, если старики вынуждены выполнять их работу. Нетипично, знаешь. Не отражает дух эпохи.

— Вы знаете...

— Знаю, знаю. Знаю, ты хочешь сказать, что каждый соловей должен петь на свой лад, каждый поэт писать и петь так, как ему диктует сердце. Старая песня, знакомая мелодия. Ты лучше скажи, как сделать так, чтобы твое произведение увидело свет, а остальное предоставь мне...

— Да как сделать?.. Скажи уж ты как, раз ты так много знаешь.

— Вот именно — как! Я рекомендую тебе одного поднаторевшего в этом деле поэта, он подчистит все сучки, и твое произведение выйдет в свет.

— Кто он?

— Алкиной.

— Как? Алкиной? Я хорошо расслышал? А кто такой Алкиной?

— Молодой, малоизвестный поэт... Но вообще парень с будущим. Твоя мудрость и его дерзновение сольются на страницах «Илиады» и «Одиссеи», и мир получит два выдающихся творения искусства, которые прославят Элладу во веки веков...

— Хорошо, я подумаю,— пообещал Гомер и ушел.

После этого он стал всех расспрашивать, кто такой молодой поэт Алкиной. И критик Терезий поведал ему, что это свояк редактора...

— Как? Он сам не взялся, а дает работу своему свояку! — вскричал изумленный Гомер.— Какое великое самопожертвование, какой духовный подвиг!

Терезий ответил:

— Успокойся, Гомер. Гонорар они поделят на двоих.

Перевел с болгарского Н. Н.

Слова, слова...

Человек человеку—Брут!

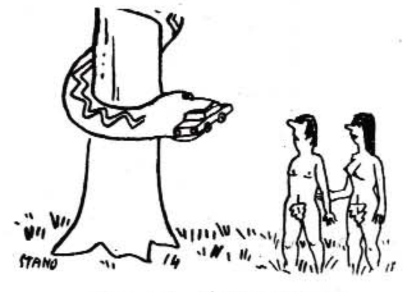
Приписывается К. Ю. Цезарю.

Молодость? Прекрасная вещь! Но какое безрассудство давать ее проматывать молодым!

Л. Ф. Селин, французский писатель.

Судьба обладает отлично поставленным ударом.

Таиландская банальность.

«Рогач», Чехословакия.

«Илустрована политика», Югославия.